

Русский язык между Пушкиным и Эллочкой Людоедкой

Нас учили, что язык развивается. Применительно к литературному языку это означает, что он становится более чувствительным к различению смысловых и стиливых нюансов. Скажем, «красиво» имеет один смысл, «элегантно» — другой, «изящно» — третий.

Если предположить, что в девятнадцатом веке вместо всех этих и еще десятка других слов произносилось бы только «супер!», то можно уверенно констатировать развитие языка.

Справедливость требует признать, что и в случае замены всех оценочных слов и даже высказываний междометием «вау!» обмен сигналами в обществе не прекратится, но обсуждать серьезные общественные проблемы будет затруднительно. Кто из нас не слышал, как один мальчишка пересказывает другому сюжет фильма: «А он только пэум-пэум, а этот — джух!»? Сюжет остается внятным только рассказчику, да и то благодаря ненадолго засевшим в голове зрительным образам. В сущности, на обедненном языке трудно не только говорить о серьезных проблемах, но и думать о них, попросту даже видеть их, замечать.

К счастью, у нас есть надежный щит, которым мы отгораживаемся от неприятного вопроса о бедности нашего общественного языка. Щит этот подарили нам писатели-сатирики Илья Ильф и Евгений Петров, и имя ему незабвенная Эллочка. Людоедка эта нам смешна, ибо на все про все у нее было тридцать слов, мы же, современные люди, лучше оснащены уже потому, что набиты знаниями о бытовой технике и владеем профессиональными языками. Мы не назовем мобильник будильником и не попутаем лаконичные надписи на клавиатуре персонального компьютера, хотя бы они и были сделаны на английском языке. Нам есть чем гордиться. Эллочка — это не про нас!

Но общественный язык потому именно и общественный, что на нем обсуждают общие для всех проблемы. Так что профессиональные языки здесь не спасают. И кстати, чем менее «технологичным» будет общественный язык, тем более гуманным будет само общество. Мы прикипели душой к схемам и диаграммам, потому что нам не хватает слов. Перикл не размахивал перед согражданами картой-схемой афинской демократии. Цицерон не изображал времена и нравы в виде кружков с заштрихованными секторами. Да и Пушкин, хоть и рисовал на полях рукописи профили, умел выражаться точно и определенно.

Для того чтобы язык обрел желаемую чувствительность, ему, как известно, нужна литературная норма. Норма — это не оковы, не бич, не запрет, норма — это эталон, образец хорошей речи, на который можно равняться. Языковая норма не полицейская мера, она создана не для того, чтобы тащить и не пущать, а с прямо противоположной целью — чтобы свободно владеть языком, чтобы любой предмет был доступен для обсуждения. То, что свобода в языке возможна только благодаря норме, объясняется без всяких диалектических кунштюков одним простым обстоятельством: язык есть общее достояние. Если я различаю слова «красиво» и «элегантно», я должен быть уверен, что мой собеседник понимает их различие так же, как и я. А это может случиться только тогда, когда в каких-то авторитетных для нас обоих источниках проводится точно такое же различие в значении этих слов и это различие оговаривается в словарях и справочниках. Это и называется литературной нормой.

Лингвисты давно заметили, что сегодня в публичном пространстве обращается как никогда много высказываний, в которых литературная норма нарушается вполне сознательно. Многие видят в этом высший языковой пилотаж: мы настолько овладели нормой, настолько хорошо ее чувствуем, что можем позволить себе смелые виражи. Если уж соблюдение нормы свидетельствует о развитости литературного языка, о способности к тонкой нюансировке, то на каких же тончайших струнах играет человек, сознательно искажающий норму! Если я говорю «Пора разводить курей», то это не оттого, что я не знаю правильной формы. С помощью «курей» выражается какая-нибудь особая коннотация, например, идея опрощения или идея невежества, если я кого-нибудь передразниваю. Сознательным отклонениям от нормы посвящаются диссертации, об этом написаны десятки статей. Лейтмотив большинства работ — русский язык достиг нового уровня развития, уровня, при котором нормой можно свободно играть.

В связи со сказанным хочется вспомнить один старый анекдот. Образованная девушка стоит за прилавком. К ней по очереди подходят покупатели и просят: «Дайте одно кофе». Девушка ждет, когда же появится кто-нибудь грамотный. И вот наконец она слышит: «Дайте один кофе». Увы, следующая фраза была: «И один булка». Примерно так же обстоит дело и с сознательным отклонением от нормы. Слово «карова» в заголовке статьи написано через «а» сознательно (высший пилотаж), а «где бы я не был» вместо «где бы ни был» в тексте статьи – по неведению. Получается, что русский язык достигает своего высшего развития только в отдельно взятых предложениях. Вот и приходится отказаться от тургеневского «великий и могучий» и вспомнить некрасовское «ты и убогая, ты и обильная».

Шутки шутками, а дать общую характеристику современному русскому языку не так-то просто: расплывается граница между языком как системой и речью как ее реализацией. Вспоминается загадка: что бывает с юкагирским языком, когда все юкагиры спят? Если язык – некая потенция, возможность, то он просто обречен на развитие. Всякое изменение будет только наращивать эту потенцию. Появилось «супер!», но не исчезло «элегантно». А если юкагиры спят или и того хуже? В конечном счете, вопрос о богатстве и бедности языка упирается в вопрос о носителях этого языка: спят ли они, живы ли? Увы, рафинированный русский язык существует либо в прошедшем времени, либо в сослагательном наклонении.

Если не прибегать к гиперболам, то выяснится, что лишь около двадцати пяти процентов людей, говорящих по-русски, владеют русским литературным языком в полной мере. Такова оценка ученых. Но с общественным языком дело обстоит много хуже. То ли эти двадцать пять процентов старательно чуждаются СМИ и общественно значимой тематике, то ли, попав в тиски «телеформата», вынуждены, простите за нехитрый каламбур, проглотить язык, то ли, когда дело доходит до разговора об обществе и его проблемах, им не хватает слов, потому что этих слов попросту не существует.

По-видимому, косноязычие СМИ складывается под влиянием всех трех названных обстоятельств. Во-первых, мода на развязный тон и примитивные формулировки при прочих равных больше привлекает тех, кому нечего или почти нечего сказать, чем тех, кто обременен какой бы то ни было думой. Во-вторых, в тележурналистике сам характер коммуникации не способствует смысловым и тем более стилистическим нюансировкам. В самом деле, журналист собирает на ток-шоу самых разных людей, подобно тому, как писатель-реалист собирал в своем романе разных персонажей. Но если писатель мог с помощью авторских ремарок и других средств показать, чем литературный язык отличается от нелитературного, то тележурналист такой возможности лишен, и бал правят его разношерстные гости. В-третьих, наш общественный язык, сам язык, все еще недостаточно разработан.

Как же все-таки жить дальше? Что делать? Ке фер? Язык живет полнокровной жизнью лишь тогда, когда у него есть свои святыни, свои знамена, свои эталоны. Кризис современного общественного языка в том именно и состоит, что нет ни того, ни другого, ни третьего. Другого и третьего нет потому, что нет первого – святынь, текстов, к которым бы мы все одинаково трепетно относились. Не то чтобы у нас не было ничего святого, но мы в этом отношении тяготеем к графе «затрудняюсь ответить». Наверное, это и называется кризисом идентификации. Вышли мы из «Шинели» Гоголя, не вышли мы из «Шинели» Гоголя? Родной ли для сердца звук - имя Пушкинского дома в Академии наук или не родной? Чтобы мои вопросы не казались ерничаньем, напомню, что недавно на телеканале «Культура» состоялась телепередача, посвященная вопросу, знал ли Лев Толстой русскую жизнь. Чем это хуже вопроса: знал ли Пушкин русский язык? Для меня обсуждение проблемы понимания русской жизни Львом Толстым, который сам этой жизнью являлся, эквивалентно другой проблеме: русская ли у нас жизнь, русский ли у нас язык?

Обрести знамена можно только одним способом: возвысить свой голос до полной определенности, дать понять, что для тебя самого свято, на какие образцы ты сам полагаешься, откуда ты родом, из чьей вышел шинели. Вот максима, или по-современному слоган: «Честно скажи себе, кто ты, и ты заговоришь своим языком». Присягал ли ты Пушкину и его лелеющей душу гуманности, или для тебя его творения подобны надписи надгробной на непонятном языке? Жаль тебе гоголевского Башмачкина, или его страдания кажутся тебе нелепыми вкупе со страданиями его создателя? Русские писатели говорят с тобой языком сердца. Внятен ли тебе этот язык и это сердце? Подними другие знамена, если они у тебя есть. Но только отрешись от позиции всеядного диск-жокея, заполнителя пауз.

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)